

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 39–47.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 39–47.

Научная статья
УДК 94(470.23)“1941/1945”
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.005

**МЕЖДУ ГОЛОДОМ И ПРОИЗВОДСТВОМ: ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ И ПИТАНИЕ РАБОЧИХ
ПРЕДПРИЯТИЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА (1941–1944 гг.)**

Красноженова Елена Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург,
Россия

eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях катастрофического голода и тотальной мобилизации снабжение рабочих Ленинграда стало не только вопросом выживания, но и ключевым элементом обороноспособности. Как главный промышленный центр, город обеспечивал фронт вооружением, а физическое состояние рабочих напрямую влияло на исход войны. Актуальность исследования заключается и в том, что оно позволяет раскрыть механизмы государственного регулирования в экстремальных условиях, где продовольственное снабжение было военно-стратегической задачей. Цель исследования – анализ системы продовольственного снабжения рабочих промышленных предприятий блокадного Ленинграда, механизмов государственного регулирования распределения ресурсов, их влияния на трудовую активность и физическое состояние рабочих, а также реконструкция их повседневной жизни в условиях голода. Исследование основано на документах архивов Санкт-Петербурга, позволивших реконструировать систему общественного питания, выявить проблемы снабжения и стратегии выживания. В работе использованы сравнительно-исторический, статистический, источниковедческий и структурно-диахронный методы, позволившие выявить динамику продовольственного снабжения, реконструировать рацион рабочих, а также провести сопоставление с положением других социальных групп в условиях блокады. Исследование показывает, что, несмотря на жесткое нормирование и приоритетное распределение, снабжение рабочих предприятий блокадного Ленинграда оставалось недостаточным, приводя к массовому истощению, падению производительности и социальным изменениям. Однако система стационаров и столовых сыграла ключевую роль в поддержании минимальной работоспособности, став одновременно инструментом выживания и политического контроля.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, предприятия, рабочие, продовольственное снабжение, нормы, стационары, столовые усиленного питания, дополнительное питание, истощение, злоупотребления

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518 «Трудовой потенциал предприятий блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.)», <https://rscf.ru/project/25-28-00518/>.

Для цитирования: Красноженова Е. Е. Между голодом и производством: продовольственное снабжение и питание рабочих предприятий блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 39–47. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.005>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**BETWEEN FAMINE AND PRODUCTION: FOOD SUPPLY AND NUTRITION
OF INDUSTRIAL WORKERS IN BESIEGED LENINGRAD (1941–1944)**

Elena E. Krasnozhennova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Abstract. The relevance of the study stems from the fact that, amid catastrophic famine and total mobilization, the food supply for Leningrad's workers became not only a matter of survival but also a key factor in the city's defense capabilities. As the primary industrial center, Leningrad supplied the

front with armaments, and the physical condition of its workers directly influenced the outcome of the war. The study is also relevant because it reveals the mechanisms of state regulation under extreme conditions, where food distribution was a military-strategic task. The aim of the study is to analyze the food supply system for workers at industrial enterprises in besieged Leningrad, the mechanisms of state-regulated resource allocation, their impact on labor productivity and workers' physical condition, as well as the reconstruction of their daily lives under famine conditions. The research is based on documents from archives of Saint Petersburg, which helped reconstruct the public catering system, identify supply issues, and examine survival strategies. The study employs comparative-historical, statistical, source analysis, and structural-diachronic methods to trace the dynamics of food supply, reconstruct workers' diets, and compare their situation with that of other social groups during the siege. The findings demonstrate that, despite strict rationing and prioritized distribution, food supplies for workers in blockaded Leningrad remained insufficient, leading to mass starvation, declining productivity, and social transformations. However, the network of hospitals and canteens played a crucial role in maintaining minimal workforce viability, serving both as a survival tool and an instrument of political control.

Keywords: Leningrad, siege, industrial enterprises, workers, food supply, normative allowances, hospitals (for the starving), reinforced-nutrition canteens, supplementary nutrition, exhaustion, abuses

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation № 25-28-00518 "Labor potential of enterprises of besieged Leningrad (1941–1944)", <https://rscf.ru/en/project/25-28-00518/>.

For citation: Krasnozhenova E. E. Between Famine and Production: Food Supply and Nutrition of Industrial Workers in Besieged Leningrad (1941–1944). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 39–47. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.005> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Исследование проблемы продовольственного снабжения и питания рабочих предприятий блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.) представляет собой важный и актуальный аспект исторического изучения Великой Отечественной войны и социальной истории советского общества в условиях тотальной мобилизации, поскольку позволяет глубже понять механизмы функционирования городской экономики и государственной системы регулирования в экстремальных условиях военного времени.

Анализ проблем, связанных с продовольственным обеспечением рабочих в осажденном Ленинграде, позволяет комплексно исследовать механизмы выживания города в условиях беспрецедентного голода, раскрыть роль промышленности в поддержании обороноспособности и изучить адаптационные практики населения. Ленинград оставался одним из ключевых промышленных центров страны, игравших стратегически важную роль в обеспечении фронта вооружением и боеприпасами. Обеспечение бесперебойной работы заводов зависело не только от наличия сырья и энергии, но прежде всего от физического состояния рабочих, которое напрямую определялось уровнем их питания. В условиях катастрофического дефицита продовольствия снабжение рабочих определяло не только их личное выживание, но и функционирование предприятий, выпускавших военную продукцию. Таким образом, организация продовольственного снабжения рабочих промышленных предприятий становилась не просто вопросом выживания населения, но и элементом обороноспособности государства.

Цель исследования – анализ системы продовольственного снабжения рабочих промышленных предприятий блокадного Ленинграда, механизмов государственного регулирования распределения ресурсов, их влияния на трудовую активность и физическое состояние рабочих, а также реконструкция их повседневной жизни в условиях голода.

Изучение проблемы продовольственного снабжения рабочих блокадного Ленинграда прошло сложную эволюцию, отражающую изменения в методологии исторической науки и степень доступности архивных материалов. Советский период (1940–1980-е гг.) характеризовался идеологизированным подходом к изучению проблемы. В работах А. В. Карасева, Н. А. Манакова, А. Р. Дзенискевича акцент делался на героизме рабочих и успехах партийного руководства, при этом замалчивались реальные трудности снабжения [5; 6; 12]. Эти исследования, несмотря на их ограниченность, заложили основу для дальнейшего изучения темы.

В конце 1980-х – 1990-е гг. в научный оборот вводятся ранее закрытые архивные материалы. В работах этого периода впервые показаны подлинные масштабы продовольственного кризиса [11].

Современный этап (2000-е гг. – настоящее время) характеризуется применением междисциплинарных подходов и углубленным изучением повседневных практик выживания населения

блокадного Ленинграда, в том числе рабочих промышленных предприятий города. Так, С. В. Яров проанализировал стратегии выживания населения города, уделив внимание и рабочим промышленных предприятий [30]. М. В. Ходяков в своих работах сосредоточился на изучении экономических механизмов снабжения и функционирования карточной системы [2; 14]. Работы Е. Д. Твердюковой, О. А. Гавриловой посвящены системе столовых усиленного питания [3; 4; 13]. Ряд работ исследует продовольственную ситуацию в Ленинграде, организацию труда на блокадных предприятиях, решение кадровых проблем [7; 8].

Исследование основано на анализе документов из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Отдельной группой источников выступают документы и воспоминания, опубликованные в различных сборниках, позволившие по-новому взглянуть на систему распределения продуктов в блокадном городе [1; 9; 10].

Среди архивных материалов можно выделить две ключевые группы. Первая включает организационно-распорядительные документы: постановления Совета народных комиссаров СССР, докладные записки секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, справки отдела пищевой промышленности. Вторая группа содержит отчетные и статистические материалы: отчеты ленинградских предприятий, сведения о работе столовых, сведения о нормах выдачи продуктов. Отдельный пласт источников составляют опубликованные документы и воспоминания, представленные в тематических сборниках.

Архивные материалы позволяют реконструировать систему распределения продуктов, нормы питания рабочих предприятий блокадного Ленинграда, стратегии их выживания и адаптации к чрезвычайным условиям осады города. Сочетание официальных документов и личных свидетельств позволяет не только восстановить механизмы функционирования продовольственной системы, но и оценить ее эффективность с точки зрения повседневной практики.

Исследование вопросов продовольственного снабжения и питания рабочих предприятий блокадного Ленинграда требует комплексного применения разнообразных методов исторического познания.

Для всестороннего анализа проблемы исследования используется сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить продовольственное снабжение рабочих промышленных предприятий с обеспечением других категорий населения блокадного города. Это позволяет выявить общие черты и особенности советской системы снабжения в условиях войны, а также оценить эффективность государственных мер по обеспечению жизнедеятельности населения.

Не менее важным является статистический метод, который позволяет анализировать количественные данные, касающиеся норм выдачи продуктов, численности рабочих на предприятиях, объемов производства пищевых товаров и их распределения, уровня смертности от голода и других показателей.

Особое значение имеет метод источниковедческого анализа, предполагающий работу с широким кругом исторических источников: архивные документы, дневники, воспоминания, письма рабочих, печатные материалы. Эффективным инструментом исследования становится структурно-диахронный метод, сочетающий структурный и временной подходы. С одной стороны, он позволяет рассмотреть систему снабжения как целостную структуру, включающую централизованное планирование, распределение ресурсов, роль партийных комитетов и профсоюзов. С другой – прослеживает ее изменения в ходе блокады: от первых месяцев до окончательного освобождения города. Такой анализ помогает понять, как менялись нормы питания рабочих, кто имел доступ к дополнительному питанию, как функционировали заводские столовые и какие меры принимались для борьбы с хищениями и спекуляцией.

Системный анализ дополняет структурный метод, рассматривая питание рабочих как часть более широкой системы жизнеобеспечения блокадного Ленинграда. Он учитывает такие факторы, как энергетика и транспорт, обеспечивающие доставку продуктов, состояние здоровья рабочих как условие поддержания производства и другие взаимосвязанные элементы. Благодаря этому методу можно понять, почему одни категории получали больше продовольствия, чем другие, и как это было связано с общей стратегией выживания города.

Система вышеуказанных методов позволяет всесторонне исследовать сложные аспекты продовольственного снабжения и питания рабочих предприятий блокадного Ленинграда, реконструировать механизмы функционирования системы жизнеобеспечения города в условиях войны, выявить социальные, экономические и политические факторы, влияющие на распределение продовольственных ресурсов.

Основная часть

Продовольственная ситуация в Ленинграде накануне и в начале блокады

К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде имелись продовольственные запасы, рассчитанные на несколько месяцев. По данным Ленгорисполкома, на июнь 1941 г. в городе находилось порядка 1,5 месячного запаса муки, круп и сахара [16, л. 183]. Однако быстрые

темпы наступления германской армии и нарушение транспортных связей в августе 1941 г. резко ухудшили ситуацию. Уже в сентябре город оказался в оперативном окружении, а в ноябре 1941 г. – в полной блокаде.

С 18 июля 1941 г. в Ленинграде была введена карточная система снабжения населения, дифференцированная по шести категориям. Рабочие промышленных предприятий получили самые высокие нормы – 800 г хлеба в день, тогда как иждивенцы – лишь 400 г. Карточная система предполагала строгое нормирование, при этом нормы в зависимости от категории труда. С 20 ноября 1941 г. были введены минимальные нормы выдачи хлеба: 250 г для рабочих и 125 г для служащих и иждивенцев [15, л. 32–33; 16, л. 183].

Параллельно с этим из Москвы поступали директивы ГКО о необходимости обеспечить бесперебойную работу оборонных предприятий, в том числе за счет приоритетного продовольственного снабжения. Однако в условиях отсутствия подвоза продовольствия с «большой земли» эти установки нередко оставались на бумаге. Запасы истощались, нормы сокращались. В ноябре 1941 г. хлебные пайки были снижены до минимального уровня за всю блокаду: 250 г для рабочих и 125 г для иждивенцев [15, л. 32–33; 16, л. 190].

К декабрю 1941 г. ситуация резко ухудшилась. В справке от 15 декабря 1941 г., направленной Жданову, заведующий отделом пищевой промышленности Я. Ф. Капустин указал на критическое состояние отрасли: из 87 хлебозаводов города продолжали работать лишь 62, при этом их производительность сократилась на 40 % из-за перебоев с электроэнергией. Особую тревогу вызывала ситуация с кадрами – смертность среди рабочих предприятий пищевой промышленности достигала 15–20 % в месяц [20, л. 43–46].

Нормы снабжения рабочих предприятий блокадного Ленинграда

Помимо основного пайка существовала система дополнительных (так называемых усиленных) пайков, которые выдавались за выполнение и перевыполнение норм. Дополнительные порции питания предоставлялись рабочим, демонстрировавшим высокую производительность. С середины 1943 г., по мере стабилизации продовольственного обеспечения, льготы распространились на стахановцев, рабочих горячих цехов, сотрудников строительных и оборонных подразделений, а также на оперативный состав НКВД, НКГБ, милиции, пожарных, железнодорожные бригады Октябрьской магистрали и членов экипажей Балттехфлота и Управления речных путей, обеспечивавших логистику снабжения города и фронта.

Однако эти дополнительные пайки чаще носили символический характер, чем были полноценным источником питания: зачастую они выдавались не продуктами, а талонами, которые невозможно было обналичить из-за отсутствия товаров. Кроме того, реальная калорийность питания не превышала 700–800 ккал в сутки, что вело к массовому истощению.

В архивных документах сохранились отчеты о фактической выдаче продуктов. Например, в ноябре 1941 г. даже рабочим тяжелого труда вместо полагающихся 100 г мяса выдавали 30 г субпродуктов или вовсе они получали заменители. Характерны сводки с предприятий, где рабочие отказывались от смен из-за голода, что фиксировалось в актах парткомов и санитарных бюро.

В целом система нормированного обеспечения являлась основным механизмом распределения продуктов, однако ее эффективность резко снизилась в условиях зимы 1941–1942 гг. Ограниченные ресурсы, трудности доставки и бюрократические искажения подрывали ее работоспособность.

Зима 1941–1942 гг. стала наиболее тяжелым периодом в истории блокады. В это время нормы продовольственного снабжения неоднократно снижались. Наибольшие потери среди рабочих Ленинграда пришлись именно на этот период. Снижение норм выдачи хлеба до 250 г в сутки в ноябре-декабре 1941 г. совпало с пиком алиментарной дистрофии и падением трудовой активности.

В производственных отчетах заводов зафиксированы массовые случаи невыполнения норм, прогулы по причине слабости, обмороки в цехах. В феврале 1942 г., по данным отдела труда Ленгорисполкома, производительность труда на Кировском заводе упала до 30 % довоенного уровня. При этом смертность среди рабочих достигла 20–25 %.

После открытия «Дороги жизни» в январе 1942 г. ситуация с продовольственным снабжением населения Ленинграда начала улучшаться. К апрелю нормы для рабочих были повышены до 400–500 г хлеба, а в рацион частично вернули мясные продукты. Это позволило стабилизировать обстановку в трудовых коллективах и восстановить темпы выпуска военной продукции.

Тем не менее долгосрочные последствия недоедания сказывались на здоровье и работоспособности. Многие рабочие, пережившие зиму 1941–1942 г., страдали от хронических заболеваний, вызванных авитаминозами и истощением. По данным медицинских комиссий, в 1943 г. около 60 % рабочих нуждались в длительном восстановительном питании и санаторно-курортном лечении.

Изменение норм снабжения было не только показателем кризиса, но и инструментом мобилизации, поскольку через дифференциацию норм власти стремились стимулировать трудовую деятельность, несмотря на фактическую невозможность полноценного восполнения энергетических затрат. Это делало продовольственную систему элементом не только выживания, но и управления.

Фабрично-заводские столовые и организация питания на предприятиях

Помимо организации нормированного снабжения, важную роль в продовольственном обеспечении рабочих блокадного Ленинграда играли фабрично-заводские столовые. При крупных предприятиях организовывались пункты горячего питания.

В блокадный период столовые крупнейших ленинградских предприятий – таких как Кировский завод, заводы «Большевик», имени Ленина, «Красный треугольник» и др. испытывали острую нехватку продовольствия, получая до 70 % меньше его необходимого объема. Это негативно сказывалось на качестве питания: пища готовилась из продуктов низкой питательной ценности, что вызывало недовольство рабочих. Повседневной реальностью стали многочасовые очереди, в которых люди проводили по одному-двум часам. Тем не менее даже минимальный рацион, выданный в столовой, повышал шансы на выживание. Типичное меню включало суп (на воде с техническим жиром), кашу из жмыха и хлеб. В отдельных случаях применялись суррогаты: кисели из древесной муки, котлеты из овсяной шелухи [24, л. 8–10 об.].

Изучение фондов управлений столовых и протоколов санитарных инспекций показывает ухудшение санитарных условий в системе общественного питания. На многих заводах в январе 1942 г. были зафиксированы случаи отравлений суррогатами и падения производительности труда из-за голода [24, л. 8–10 об.].

Недостатки в организации питания систематически отмечались в официальных документах. Так, 16 ноября 1942 г. на заседании бюро Горкома ВКП(б) обсуждался вопрос «Об улучшении дела общественного питания в городе». В стенограмме заседания подчеркивалось, что основными проблемами были низкое качество приготовляемых блюд, нарушение технологических стандартов, отсутствие разнообразия в меню при наличии необходимых продуктов, антисанитарные условия и халатное отношение к обслуживанию. Например, в столовой при 77-м заводе рабочие были вынуждены принимать пищу стоя, держа в одной руке суп и хлеб, а головной убор – между ног. Ложек, вилок, тарелок не хватало, вымыть руки было негде. Указывалось также на хищения, недоставы и фиктивные списки на получение питания при фактическом отсутствии общественного контроля [24, л. 8–10 об.]. В годовом отчете Красногвардейского райкома ВКП(б) за 1942 г. указывалось, что в ряде столовых царил грязь, не хватало посуды, использовались испорченные продукты, а места для приема пищи отсутствовали. а места для приема пищи отсутствовали [26, л. 1а–9].

19 декабря 1942 г. Исполком Ленсовета и бюро Горкома ВКП(б) в своем постановлении вновь обратили внимание на серьезные нарушения в системе общественного питания. В частности, в столовых предприятий имени Карла Маркса, № 77, № 4 и «Вулкан» блюда были однообразными и безвкусными, наблюдались очереди у касс, не хватало столовых приборов. На заводе № 77 рабочие питались стоя из-за нехватки мебели. Оставались нерешенными вопросы санитарии, отопления и водоснабжения. Например, в столовой Охтинского химического комбината не работал туалет, водопровод не был утеплен, крыша протекала, а печи для отопления отсутствовали. Аналогичные проблемы отмечались в столовых предприятий имени Лепсе, ГОМЗ, 5-й ГЭС, «Лентрублин», фабрик «Красное Знамя», «Светоч» и трамвайного парка им. Блохина [23, л. 27–28].

В условиях острого дефицита продуктов столовая завода «Большевик» обслуживала лишь 130 человек вместо положенных 400. При этом многие больные, получившие направление на питание, не могли быть прикреплены к столовым – в карточках отсутствовали талоны на крупы, мясо и особенно хлеб, так как продукты были получены заранее [18, л. 34–37].

Тем не менее система столовых сыграла важную роль в снабжении рабочих предприятий блокадного Ленинграда. Наличие горячей пищи в рационе психологически воспринималось ими как знак заботы со стороны государства. Так, инженер Г. М. Кок писал, что в страшные январские дни 1942 г. «спасение пришло с завода: организовали столовую для начальников цехов, откуда и стал ежедневно таскать... до 3–4 оладий, да 2 супа». Прикрепленный к «закрытой» столовой главный инженер завода № 10 М. М. Краков до декабря 1941 г. получал несколько блюд без карточек [29, л. 35; 30, с. 81].

Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения рабочих продовольственными и промышленными товарами» вводило жесткую дифференциацию снабжения [19, л. 47–48]. Работники оборонных заводов получали:

- дополнительные 100 г хлеба в сутки;
- ежемесячные талоны на мясные и жировые продукты;
- приоритетное обеспечение через систему закрытых распределителей [22, л. 2].

Однако эти меры не смогли предотвратить гуманитарную катастрофу в городе.

К весне 1942 г. продовольственный кризис достиг апогея. В справке отдела пищевой промышленности от 13 мая 1942 г. констатировалось: «Существующая сеть общественного питания не в состоянии обеспечить даже минимальные потребности населения» [21, л. 1–5]. Документ предлагал комплекс экстренных мер:

- увеличение количества столовых до 850 единиц с приоритетом оборонных предприятий;
- внедрение системы лечебного питания для лиц с признаками дистрофии;
- максимальное использование пищевых заменителей (целлюлозная мука, гидролизные дрожжи, соевые концентраты) [21, л. 1–5].

Для самых истощенных рабочих и служащих создавались стационары при промышленных предприятиях. В 1942 г. в городе действовало 109 таких учреждений [28, л. 126–127].

К апрелю 1942 г. вместо стационаров начали организовывать специальные закрытые столовые с усиленным питанием, рассчитанные на обслуживание 100 тыс. человек. Для этого было выделено 153 столовых, в том числе 89 – закрытого типа на территории производств, и 64 – открытого [17, л. 120]. Вот меню одной из заводских столовых лечебного питания на 14 мая 1942 г.: «Завтрак: сырники 2 шт., масла 20 гр., кофе 2 ст., хлеб 150 гр. Обед: суп гороховый с сушеными овощами, котлета с кашей, стакан компота, стакан соевого молока, хлеб 200 грамм. Ужин: каша гречневая 300 грамм, кофе 2 стакана, хлеб 150 гр.» [30, с. 85]. Рабочие ленинградских предприятий составляли 69 % посетителей подобных столовых.

Продовольственные резервы и внутренние источники питания

В условиях хронического дефицита и фактической изоляции города значимым элементом продовольственного обеспечения стали внутренние ресурсы: подсобные и приусадебные хозяйства, а также организованная добыча альтернативных источников питания.

На многих заводах и фабриках еще в довоенные годы существовали подсобные хозяйства. В условиях блокады их деятельность активизировалась. Например, при заводе имени Козицкого была создана свиноферма и огород, на котором в 1942 г. выращивали капусту и репу. Архивные документы фиксируют случаи направления рабочих в тыловые районы Ленинградской области для организации заготовок.

Параллельно с этим предпринимались попытки наладить местное производство продуктов. В августе 1942 г. городские совхозы увеличили производство овощей в 3 раза по сравнению с 1941 г., хотя их вклад в общий продовольственный баланс оставался незначительным (не более 5–7 % потребностей).

Распространенной практикой стали сбор дикорастущих трав, мхов, листьев и коры деревьев. Известны случаи использования клея, кожаной обуви, технических масел и пряжи в качестве источников калорий. Эти факты фиксировались в отчетах санитарных врачей и комиссиях по борьбе с алиментарной дистрофией.

Некоторые предприятия также организовывали централизованные выезды за продуктами, особенно после организации «Дороги жизни» по льду Ладожского озера. Заводы отправляли своих работников на прием и сопровождение грузов, а часть привезенного продовольствия распределялась внутри коллектива.

В целом вышеуказанные меры отражают вынужденную адаптацию системы снабжения к экстремальным условиям полной изоляции и свидетельствуют о крайней степени мобилизации всех ресурсов города.

Социальные последствия продовольственного кризиса

Продовольственный кризис в блокадном Ленинграде оказал не только физиологическое, но и глубоко социальное воздействие на рабочих предприятий блокадного Ленинграда. Голод стал не просто массовым бедствием, но фактором, изменившим структуру социальной мобильности, поведения и трудовых установок.

В условиях дифференцированного нормированного обеспечения усилилась социальная стратификация внутри рабочих. Рабочие оборонных предприятий, получавшие пусть минимально, но более высокие нормы продовольствия, выживали чаще, чем сотрудники второстепенных фабрик или неквалифицированный персонал. Это привело к формированию своеобразной «пищевой иерархии», зависимой от положения в производственной системе.

Голод стал причиной роста неформальной экономики: спекуляции, обмена, воровства и злоупотреблений. По данным управления милиции Ленинграда, только за декабрь 1941 г. было зафиксировано более 400 случаев задержания за хищения продовольствия. В частности, на заводе № 189 были выявлены случаи мошенничества с продовольственными карточками. Злоумышленники в течение нескольких месяцев присваивали карточки, используя фальсифицированные подписи рабочих, включая в списки несуществующих лиц и прибегая к другим махинациям. Бухгалтер 50-го цеха этого завода Горбунов совместно с начальником цеха Семеновым на протяжении пяти месяцев включали в списки фиктивных работников, в результате чего незаконно получили 15 комплектов карточек первой категории [25, л. 56–57]. Крупные случаи хищения также были выявлены в учреждениях общественного питания. Так, заведующий одной

из столовых Красногвардейского района был уличен в хищении 2 т хлеба, 1230 кг мяса и 150 кг сахара [27, л. 33]. Таким образом, продовольственный кризис стал фактором социальной трансформации среди рабочих предприятий блокадного Ленинграда.

Выводы

В период блокады Ленинграда проблема продовольственного обеспечения населения приобрела катастрофические масштабы. В условиях полной изоляции города, прекращения регулярных поставок продовольствия и стремительного истощения запасов, советские власти были вынуждены экстренно реорганизовать систему распределения продуктов. Снабжение рабочих промышленных предприятий стало приоритетным направлением, поскольку от их физического состояния напрямую зависело производство вооружений для фронта и обеспечение гражданского населения блокадного города.

Но несмотря на создание сложной системы нормированного распределения, включавшей дифференцированное нормированное снабжение, дополнительное питание для стахановцев и рабочих стратегически важных заводов, а также разветвленную сеть фабрично-заводских столовых, эффективность этих мер оставалась крайне ограниченной. Особенно тяжелой оказалась зима 1941–1942 гг., когда нормы выдачи хлеба упали до 250 г для рабочих и 125 г для иждивенцев – количества, совершенно недостаточного для выживания в условиях голода, холода и изнурительного труда. Калорийность питания даже для привилегированных категорий рабочих редко превышала 700–800 ккал в сутки, что вело к массовому истощению, резкому падению производительности и росту смертности.

Серьезной проблемой стали недостатки самой системы распределения – хищения, злоупотребления со стороны ответственных лиц, что подрывало доверие населения к официальным механизмам снабжения. Попытки компенсировать нехватку продуктов за счет внутренних ресурсов – подсобных хозяйств, пищевых суррогатов, сбора дикорастущих растений – давали лишь минимальный эффект, неспособный переломить катастрофическую ситуацию. В этих условиях ключевую роль сыграли организованные при предприятиях стационары и столовые усиленного питания, которые поддерживали минимальную трудоспособность рабочих предприятий блокадного Ленинграда.

Несмотря на чрезвычайные условия, обусловленные блокадой, голодом и разрушениями, система продовольственного снабжения демонстрировала элементы организованности и устойчивости, что во многом объясняется централизованным управлением, самоотверженностью рабочих промышленных предприятий и их героизмом. Вместе с тем, дифференциация в обеспечении питания между различными категориями рабочих, а также неизбежная нехватка продовольствия порождали социальное напряжение и снижение мотивации труда. Тем не менее, несмотря на все издержки, данная система сыграла решающую роль в сохранении промышленного потенциала города и обеспечении его боеспособности в условиях войны.

Список литературы

1. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. – Санкт-Петербург : Полигон, 2004. – 766 с.
2. Гаврилова, О. А. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. / О. А. Гаврилова, М. В. Ходяков // Новейшая история России. – 2016. – № 2 (16). – С. 44–67. – doi: 10.21638/11701/spbu24.2016.203.
3. Гаврилова, О. А. Блокадный «рацион»: особенности общественного питания Ленинграда в 1942–1943 гг. / О. А. Гаврилова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2024. – Т. 65, № 3. – С. 67–93. – doi: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-67-93.
4. Гаврилова, О. А. Столовые повышенного типа в блокадном Ленинграде: организация и деятельность (1942 г.) / О. А. Гаврилова, Е. Д. Твердюкова // Новейшая история России. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 68–85. – doi: 10.21638/spbu24.2025.105.
5. Дзенискевич, А. Р. Заводы на линии фронта Рабочие Ленинграда фронту / А. Р. Дзенискевич. – Москва : Политиздат, 1978. – 111 с.
6. Карасев, А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943 / А. В. Карасев. – Москва : Академия наук СССР, 1959. – 315 с.
7. Красноженова, Е. Е. Тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде в 1941–1944 гг. / Е. Е. Красноженова // Военно-исторический журнал. – 2024. – № 1. – С. 58–65.
8. Красноженова, Е. Е. Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда / Е. Е. Красноженова, С. В. Кулик // Современная научная мысль. – 2021. – № 4. – С. 106–111. – doi: 10.24412/2308-264X-2021-4-106-111.
9. Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят / сост. А. Н. Чистиков и др. – Санкт-Петербург : Фонд «Креатив», 2014. – 640 с.

10. Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. Р. Дзенiskeвич. 1941–1944. – Санкт-Петербург : Лики России, 1995. – 640 с.
11. Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада / Н. А. Ломагин. – Санкт-Петербург : Нева ; Москва : Олма Пресс, 2002. – 960 с.
12. Манаков, Н. А. В кольце блокады: Хозяйство и быт осажденного Ленинграда / Н. А. Манаков. – Ленинград : Лениздат, 1961. – 215 с.
13. Твердюкова, Е. Д. Работа лечебно-питательных стационаров в Ленинграде (январь – апрель 1942 г.) / Е. Д. Твердюкова // *Genesis: исторические исследования*. – 2020. – № 11. – С. 116–126.
14. Ходяков, М. В. Особенности функционирования карточной системы блокадного Ленинграда в 1941–1944 гг. / М. В. Ходяков // *История*. – 2025. – Т. 16, № 24. – С. 12.
15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). – Ф. 7384. – Оп. 3. – Д. 15.
16. ЦГА СПб. – Ф. 7384. – Оп. 4. – Д. 69.
17. ЦГА СПб. – Ф. 7384. – Оп. 4. – Д. 94.
18. ЦГА СПб. – Ф. 9156. – Оп. 6. – Д. 23.
19. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). – Ф. 24. – Оп. 2-б. – Д. 1307.
20. ЦГАИПД СПб. – Ф. 24. – Оп. 2-в. – Д. 5725.
21. ЦГАИПД СПб. – Ф. 24. – Оп. 2-в. – Д. 5788.
22. ЦГАИПД СПб. – Ф. 24. – Оп. 2-в. – Д. 6318.
23. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4477.
24. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4588.
25. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4613.
26. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4616.
27. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4687.
28. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4887.
29. ЦГАИПД СПб. – Ф. 4000. – Оп. 11. – Д. 48.
30. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 310 с.

References

1. *Blokada Leningrada v dokumentakh rassekrechennykh arkhivov* [The Siege of Leningrad in Declassified Archive Documents]. Saint Petersburg: Poligon; 2004, 766 p.
2. Gavrilova, O. A., Khodyakov, M. V. Izgotovlenie prodovolstvennykh kartochek v blokadnom Leningrade. 1941–1943 gg. [The Manufacturing of Ration Cards in the Besieged City of Leningrad, 1941–1943]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2016, no. 2 (16), pp. 44–67, doi: 10.21638/11701/spbu24.2016.203.
3. Gavrilova, O. A. Blokadnyk “ratsion”: osobennosti obshchestvennogo pitaniya Leningrada v 1942–1943 gg. [Blockade rations: features of public catering in Leningrad in 1942–1943]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Lomonosov History Journal]. 2024, vol. 65, no. 3, pp. 67–93, doi: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-67-93.
4. Gavrilova, O. A., Tverdyukova, E. D. Stolovye povyshennogo tipa v blokadnom Leningrade: organizatsiya i deyatelnost (1942 g.) [Elevated Canteens in Besieged Leningrad: Organization and Activities (1942)]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2025, vol. 15, no. 1, pp. 68–85, doi: 10.21638/spbu24.2025.105.
5. Dzeniskevich, A. R. *Zavody na linii fronta. Rabochie Leningrada frontu* [Factories on the Front Line. Leningrad Workers for the Front]. Moscow: Politizdat; 1978, 111 p.
6. Karasov, A. V. *Leningradtsy v gody blokady. 1941–1943* [Leningraders during the Siege. 1941–1943]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1959. 315 p.
7. Krasnozhenova, E. E. Totalnyy golod stal glavnoy prichinoy mnogochislennykh zhertv sredi leningradtsev. Prodovolstvennaya situatsiya v blokadnom Leningrade v 1941–1944 gg. [Total starvation was the main cause of many deaths among the inhabitants of Leningrad. The food situation in besieged Leningrad 1941–1944]. *Voyenno-istorichesky zhurnal* [Military Historical Journal]. 2024, no. 1, pp. 58–65.
8. Krasnozhenova, E. E., Kulik, S. V. Formy i metody povysheniya proizvoditelnosti truda na oboronnykh predpriyatiyakh blokadnogo Leningrada [Forms and methods of increasing labor productivity at defense enterprises of besieged Leningrad]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought]. 2021, no. 4, pp. 106–111, doi: 10.24412/2308-264X-2021-4-106-111.
9. *Leningrad v koltse blokady. Grif sekretnosti snyat* [Leningrad in the Siege Ring. Classification Removed]. Saint Petersburg: Fond “Kreativ”; 2014, 640 p.

10. *Leningrad v osade: sbornik dokumentov o geroicheskoy oborone Leningrada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Leningrad Under Siege: Collection of Documents About the Heroic Defense of Leningrad During the Great Patriotic War]. Saint Petersburg: Liki Rossii; 1995, 640 p.
11. Lomagin, N. A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown blockade]. Saint Petersburg: Neva; Moscow: OLMA PRESS; 2002, 960 p.
12. Manakov, N. A. *V koltse blokady* [In the blockade ring]. Leningrad: Lenizdat; 1961, 215 p.
13. Tverdyukova, E. D. *Rabota lechebno-pitatelnykh statsionarov v Leningrade (yanvar – aprel 1942 g.)* [Work of medical and nutritional healthcare facilities in Leningrad (January – April 1942)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Studies]. 2020, no. 11, pp. 116–126.
14. Khodyakov, M. V. *Osobennosti funktsionirovaniya kartochnoy sistemy blokadnogo Leningrada v 1941–1944 gg.* [Features of the Functioning of the Rationing System of Blockaded Leningrad]. *Istoriya* [History]. 2025, vol. 16, no. 24, p. 12.
15. *Central State Archive of St. Petersburg (CGA SPb)*. Fund 7384, inventory 3, case 15.
16. *CGA SPb*. Fund 7384, inventory 4, case 69.
17. *CGA SPb*. Fund 7384, inventory 4, case 94.
18. *CGA SPb*. Fund 9156, inventory 6, case 23.
19. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CGA IPD SPb)*. Fund 24, inventory 2-6, case 1307.
20. *CGA IPD SPb*. Fund 24, inventory 2-в, case 5725.
21. *CGA IPD SPb*. Fund 24, inventory 2-в, case 5788.
22. *CGA IPD SPb*. Fund 24, inventory 2-в, case 6318.
23. *CGA IPD SPb*. Fund 25, inventory 2, case 4477.
24. *CGA IPD SPb*. Fund 25, inventory 2, case 4588.
25. *CGA IPD SPb*. Fund 25, inventory 2, case 4613.
26. *CGA IPD SPb*. Fund 25, inventory 2, case 4616.
27. *CGA IPD SPb*. Fund 2, inventory 2, case 4687.
28. *CGA IPD SPb*. Fund 2, inventory 2, case 4887.
29. *CGA IPD SPb*. Fund 4000, inventory 11, case 48.
30. Yarov, S. V. *Povsednevnyaya zhizn blokadnogo Leningrada* [Daily life of besieged Leningrad]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2013, 310 p.

Информация об авторе

Красноженова Е. Е. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Krasnozhennova E. E. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.